

Гараева Эльнара Ильфатовна

Garaeva Elnara Ilfatovna

аспирант кафедры теории и социологии управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

PhD student, Theory and Sociology of Management Department, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕЗДЕТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

THE FUNDAMENTAL REASONS AND MOTIVES FOR VOLUNTARY CHILDLESSNESS IN THE MODERN SOCIETY

Аннотация:

Статья посвящена изучению проблемы добровольного отказа от деторождения в современном российском обществе. В работе рассмотрены макро-причины зарождения и распространения феномена бездетности с позиции различных зарубежных теоретических концепций и подходов. Также представлены результаты интернет-опроса, направленного на исследование мотивов отказа от рождения ребенка среди чайлдфри-сообщества, дифференцированных на три ключевые группы, среди которых детские психологические травмы, гедонистические установки и мировоззренческие позиции. Раскрывая природу бездетности, автор приходит к выводу, что данное явление служит зеркалом общественных и экономических трансформаций и детерминировано новыми нормами постиндустриального общества, либерализацией высшего образования, эмансипацией женщин и гендерным равенством, а также распространением индивидуалистических ценностей. Обозначена сложность прогнозирования долговременности феномена чайлдфри, для этого требуются дальнейшие теоретические и эмпирические исследования.

Ключевые слова:

добровольная бездетность, осознанная бездетность, чайлдфри, рождаемость, бездетные семьи.

Summary:

The research deals with the problem of voluntary childlessness in the contemporary Russian society. The paper considers the macro-reasons for the appearance and promotion of the phenomenon under review from the perspective of various international theoretical concepts and approaches. In addition, the author presents the findings of the Internet survey designed to study the motives for the voluntary choice to not have children in a child-free community that are classified into three key groups. They include childhood psychological trauma, hedonistic attitudes and worldview. While identifying the nature of childlessness, the author concludes that this phenomenon reflects the social and economic transformations and is determined by the new standards of the post-industrial society, the liberalization of higher education, the emancipation of women and gender equality and the growth of individualistic values. The paper reveals that to predict the durability of the child-free phenomenon, further theoretical and empirical research is required.

Keywords:

voluntary childlessness, deliberate childlessness, childfree, fertility, childless families.

Одним из новых феноменов XXI в., отражающих общественные и экономические трансформации, являются представители чайлдфри-сообщества. Чайлдфри как социальное явление (англ. childfree – ‘свободный от детей, бездетный’) представляет собой добровольный отказ от рождения и воспитания детей. Зарождение и процветание данной идеологии во многом детерминировано структурными изменениями в социуме, условиями постиндустриального общества, где семья делегирует определенные функции социальным институтам.

В доиндустриальную эпоху домохозяйства аккумулировали в себе роли учебного заведения, института социального обеспечения, трудовой единицы, обладали четкой рекреационной функцией. В силу определенных этических норм и моральных установок обществом порицались добрые и внебрачные связи, соответственно, брак являлся единственным инструментом сексуальной и репродуктивной самореализации. Более того, вступление в брак и рождение детей являлись негласным правилом, социальным маркером и показателем статуса человека (прочие социальные модели считались девиантным поведением: старые девы и холостяки, бездетные семьи и т. п.).

Однако сегодня, когда центральными идеями постиндустриализма становятся свобода и неограниченность прогресса, появились различные модели семьи и социальной нормы: неполные семьи; дееспособные бездетные пары; нетрадиционные семьи; из работающей женщины – кормилицы семьи с ребенком и мужем, ведущим домашнее хозяйство, и т. д.

Бездетность как социальное и экономическое явление имеет историческую ретроспективу, т. е. данный феномен сам по себе не новый. Первые десятилетия XX в., сопровождавшиеся глобальным финансовым кризисом, крайней нищетой и голодом, войнами и миграциями, обусловили тенденцию к увеличению бездетных людей. Но современная осознанная бездетность, присущая нашему относительно благоприятному в экономическом контексте времени, – явление совершенно новое [1].

В соответствии с опросом, проведенным ВЦИОМ в 2017 г., лишь 7 % российских граждан планируют рождение ребенка в ближайшие несколько лет, при этом 54 % респондентов признались, что вовсе не собираются заводить детей. Статистические данные демонстрируют, что современная демографическая ситуация в стране характеризуется снижением рождаемости. Согласно отчету Росстата, в 2016 г. в России родилось 1,69 млн детей, что на 10,7 % меньше по сравнению с показателем за предыдущий год [2].

Раскрывая причины бездетности, следует выделить ключевые теории, объясняющие природу данного явления.

– В разрезе парадигмы второго демографического перехода Р. Лестег акцентирует внимание на таких причинах снижения рождаемости, как контрацептивная революция, позволившая откладывать первые рождения и увеличивать интервалы между рождениями, а также зародившая революцию сексуальную. Если ранее сексуальные отношения были привилегией людей, состоявших в браке, и рассматривались исключительно в качестве средства продолжения рода, то появление контрацептивов ознаменовало собой либерализацию сексуальности для широких масс, а также предоставило право женщинам самостоятельно регулировать репродуктивное поведение [3].

– С позиции гендерного равенства австралийского демографа П. Макдональда, основополагающей причиной низкой рождаемости, а также бездетности в постиндустриальном мире служит дисбаланс между высокой степенью гендерного равенства в области образования и рынка труда и гендерным неравенством в институте семьи, обусловленным сохранением традиционной модели мужчины-кормильца. Автор теории утверждает, что гарантом высокой рождаемости является достижение гендерного равенства на всех уровнях – семейно-бытовом и институциональном [4]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что доля бездетных граждан будет тем выше, чем выше гендерное неравенство в стране.

– С точки зрения теории постматериалистических ценностей американского социолога Р. Инглхарта, тенденция к низкой рождаемости и бездетности в современном обществе детерминирована смещением ценностных ориентиров в сторону самореализации, самоидентификации, личностного становления и роста, свободы от традиционных институтов и норм. На наш взгляд, данная парадигма не выявляет истинных причин демографического поведения современного общества, а скорее характеризует его. С либерализацией общественной жизни исчезли схема и последовательность событий в демографическом поведении. Бездетность стала одним из ярчайших выражений свободы и независимости человека [5].

– Согласно теории избегания рисков, сокращение уровня рождаемости связано с такими факторами, как экономическая неопределенность и рост индивидуализации рисков. Нестабильная экономическая ситуация и финансовый кризис в Швеции конца XX в., когда доля женского населения в возрасте 21–24 лет, получавшая высшее образование, возросла с 4 % в 1989 г. до 41 % в 1996 г., продемонстрировали положения данной парадигмы. Женщины расставили приоритеты в пользу стабильности и безопасности собственного будущего, проявив поведение по избеганию рисков в разрезе снижения государственной поддержки. Следствием данного исторического эпизода стали сокращение уровня рождаемости, увеличение доли бездетных граждан, что логично, так как отсутствие детей является наименее рискованным поведением в ситуации неопределенности.

– Теория рационального выбора Г. Беккера рассматривает вопрос о решении иметь детей в контексте инвестиций и рациональной выгоды. Согласно данной концепции, в ходе экономического развития стоимость человеческого времени все более превращается в автономный и ключевой фактор благополучия и процветания семьи и личности, а с рождением каждого последующего ребенка объективно сокращается и его «предельная полезность» для родителей. При этом рост стоимости временных затрат на ребенка Беккер обуславливает возрастающей трудовой активностью женщин на рынке труда [6]. Иначе говоря, потери времени, детерминированные рождением ребенка, для женщины тем весомее, чем выше ее квалификация и стоимость рабочего времени. Соответственно, для женщины, востребованной на рынке труда, издержки, связанные с рождением детей, будут высокими, что отражается на выборе не рожать детей. В соответствии с теорией рационального выбора, увеличение показателей рождаемости может быть достигнуто благодаря увеличению психологических выгод либо сокращению экономических издержек на детей.

– Следуя теории предпочтений британского социолога К. Хаким, в каждом поколении порядка 20 % женщин будут оставаться бездетными. Данные прогнозы связаны с современными общественными сценариями, где около 20 % предпочитают роль карьеристки, жертвуя семейными ценностями [7]. Более поздние исследования продемонстрировали, что доля бездетных женщин оказалась ниже 20 %. Следует отметить, что данная теория является крайне спорной, поскольку и в мужской системе координат карьера занимает преобладающее значение. Также обозначим, что К. Хаким не акцентирует внимание на дифференцировании женщин на различные социальные группы и на том, как предпочтения могут трансформироваться с течением времени.

В сущности, с позиции всех вышеперечисленных теорий бездетность как новое явление зародилась и распространилась вследствие экономических и культурных преобразований, которые в большинстве развитых стран начались в 1950-е гг. Авторы исследований в качестве основополагающих причин снижения рождаемости и бездетности выделяют быстрый рост доходов населения, относительно благоприятную среду обитания и высокий уровень качества жизни, способствующие смене материалистических парадигм и ценностей постматериалистическими. Таким образом, помимо удовлетворения базовых потребностей, люди получили возможность консолидировать собственные ресурсы на саморазвитии, самореализации и благах личной свободы. Ключевым элементом культурной трансформации стало гендерное равенство и ослабление гендерных ролей. Традиционные взгляды на общественное и семейное устройство сменились прогрессивными, сформировавшими эффективные условия для трудовой деятельности женщин и равноправного функционирования на рынке труда. Экономисты делают упор на такой важнейшей причине снижения рождаемости и бездетности, как появление средств контрацепции в 1960-е гг., позволивших материнству стать вопросом личной воли, а не обязанностью [8].

В целях выявления мотивов бездетности в современном российском обществе в 2017 г. нами было проведено социологическое исследование. Эмпирической базой исследования стали данные качественных полуструктурированных интервью приверженцев добровольной бездетности форума «Планета чайлдфри» (10 женщин и 5 мужчин в возрасте от 21 до 46 лет) посредством видеозвонков. Отбор проводился методом выбора целевых групп. Гайд-интервью включал различные тематические блоки: социально-демографическая характеристика (для составления социального портрета), причины и мотивы выбора бездетного образа жизни, дифференцированные на три основополагающие группы: психотравмы, гедонистические установки, мировоззренческие позиции.

Итак, в первую группу мы объединили установки, связанные с детскими психотравмами:

– воспоминания о детских потрясениях: *«Когда у меня умерла сестра, я видела, как страдает мама, вдруг и в моей семье случится такое горе, я хочу себя уберечь от этого»*, женщина, 21 год, студентка;

– неприязнь к детям из-за их поведения: *«Я не люблю детей, я осознал, наверное, с тех пор, с каких себя помню (лет с 3–4). В 10–11 лет я уже твердо знал, что равнодушен к детям, они мне неприятны и не нужны. Они капризные, шумные, и им постоянно что-то нужно»*, мужчина, 40 лет, журналист;

– обиды на родителей: *«Когда умер отчим, мать осталась с четырьмя маленькими детьми, и мне в принудительном порядке приходилось сидеть со своими сестрами-братьями, отчего я была далеко не в восторге. Представьте ситуацию: на улице весна, подруги зовут гулять, а мне нельзя, я в няньках, в такие моменты просто начинаешь ненавидеть своих родных»*, женщина, 37 лет.

Вторую группу объединяют гедонистические установки, т. е. связанные со стремлением сохранить свободу и нежеланием брать на себя ответственность за воспитание ребенка:

– стремление двигаться по карьерной лестнице и достижение социального успеха: *«У меня есть мечта – стать директором, у меня пока нет времени на ребенка»*, женщина, 28 лет, специалист в банке;

– нежелание жертвовать ради ребенка своим здоровьем, покоем, душевными и физическими силами: *«Я хочу путешествовать, хочу приходить домой и отдохнуть после работы в тишине, а бывшая жена хотела семью, вот поэтому мы и развелись»*, мужчина, 36 лет, комплектовщик в типографии;

– страхи и неприязнь к процессам протекания беременности и родов: *«...Я не люблю боль, так что беременность и роды тоже энтузиазма не внушают»*, женщина, 32 года, психолог;

– желание посвящать все свободное время себе или партнеру: *«У меня остается больше времени на любимого человека и на свои хобби, мне не нужно каждый день делать то, что мне не нравится, – ухаживать за ребенком»*, женщина, 27 лет, переводчик;

– желание сохранить материальное состояние: *«Дети – дорогое удовольствие, я пока точно не готов»*, мужчина, 28 лет, системный администратор.

В третью группу установок мы включили ответы респондентов с определенными мировоззренческими взглядами на жизнь:

– спасти нашу планету от перенаселения: *«Для общества чайлдфри полезны тем, что не способствуют перенаселению»*, девушка, 21 год, фрилансер;

– не обрекать новое потомство на земные страдания и скорбь: *«Я не хочу, чтобы мой ребенок страдал, первая любовь, двойки в школе, неудачи на работе, в семье»*, девушка, 23 года, фотограф;

– страх за жизнь будущего ребенка: терроризм, насилие, похищение, война: *«Я живу на Украине, мне не хотелось бы в такой нестабильной политической ситуации иметь ребенка»*.

Мы хотим переехать в Германию, тогда, возможно, мы с мужем подумаем о потомстве», женщина, 25 лет, менеджер;

– желание спасти чужие жизни (благотворительность, донорство, волонтерство): *«У моей родной сестры дочь болеет ДЦП. Я помогаю ей ухаживать за ребенком, и мне вполне этого достаточно»,* женщина, 46 лет, стоматолог; и т. д.

Итак, по результатам исследования, можно сделать следующие выводы по каждой группе мотивов отказа от рождения детей.

1. Детские психологические травмы. Опрошенные в ходе исследования поделились своими воспоминаниями о детских потрясениях, связанных с потерей ребенка их родителями, неприязненным отношением к детям в силу их разрушительного поведения, детскими обидами на собственную семью. Данные мотивы стали наиболее востребованными в разрезе детских психологических травм. Люди подсознательно проецируют свой детский опыт на себя в роли родителя и на своего потенциального ребенка. Чтобы избежать негативного будущего, тот или иной индивид приходит к выводу об отказе от деторождения.

2. Во второй группе мы условно объединили людей по принципу гедонистических установок. Наиболее популярными ответами в рамках данной группы мотивов отказа от деторождения стали: карьерный и личностный рост, физиологическое неприятие боли, связанное с родами, желание сохранить материальное состояние, нежелание направлять собственные временные ресурсы на ребенка. Безусловно, каждый человек по своей природе уникален, для одних дети – попытка увековечить себя в вечности, главная жизненная цель и возможность продолжения рода. Для других же ребенок не носит никакого сакрального смысла и является лишь препятствием к достижению своих целей, жизненной миссии.

3. Третью группу составили чайлдфри с определенными философскими и экзистенциальными взглядами на мироздание. Оценивая то, что ждет ребенка в нынешнюю эпоху, люди отказываются от продолжения рода, чтобы не обрекать ребенка на страдания. Другие считают деторождение лишеным всякого смысла, поскольку не находят смысла ни в существовании людей, ни в самом появлении живых организмов на Земле.

Таким образом, подавляющая доля бездетных формируется как категория не в результате принятия решения не иметь детей, а в результате никогда не принятого решения действительно иметь детей. На сегодняшний день сложно прогнозировать долговременность феномена чайлдфри, для этого требуются дальнейшие теоретические и эмпирические исследования. При этом можно выделить ключевые макрофакторы зарождения и распространения чайлдфри в современном обществе. Во-первых, это постиндустриализм с его ориентирами свободы и прогресса во всех сферах общества, трансформировавший традиционный тип семьи и делегировавший многие функции домохозяйства другим институтам. Во-вторых, либерализация высшего образования, результатом которой является потеря детьми своей экономической значимости и приобретение иждивенческого статуса, что делает деторождение невыгодным. В-третьих, эмансипация женщин, выраженная в их активном трудовом и общественном участии, а также потеря гендерных ролей, которые сместили акценты жизненных ценностей и норм мужчин и женщин. Наконец, рост индивидуалистических ценностей (карьера, образование и т. д.), личных прав и свобод (в противовес традиционной, религиозной идеологии), упадок родственных связей привели к свободе выбора демографического поведения и сделали бездетность (как и безбрачие, сожительство) социально приемлемой нормой.

Личностная позиция автора данной работы заключается в простой и лаконичной мысли, что материнство и отцовство должны быть осознанными. Рождение ребенка указывает лишь на физиологические, репродуктивные возможности человека, в то время как центральной идеологией родительства является формирование свободной, счастливой и созидательной личности. Бездетность, на наш взгляд, является актом и проявлением личной воли и выбора.

Ссылки:

1. Дадаева Т.М. Семьи чайлдфри в регионе: миф или реальность? // Регионология. 2017. № 3. С. 30–35.
2. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2016 г. [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
3. Lesthaeghe R.J. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and Development Review. 2010. Vol. 36, no. 2. P. 211–251. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x>.
4. McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // Ibid. 2000. Vol. 26, no. 3. P. 427–439. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2000.00427.x>.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011. 464 с.
6. Becker G.S. An Economic Analysis of Fertility // Demographic and Economic Change in Developed Countries / National Bureau of Economic Research. Princeton, 1960. P. 209–240.

7. Hakim C. A New Approach to Explaining Fertility Patterns: Preference Theory // *Population and Development Review*. 2003. Vol. 29, no. 3. September. P. 349–374. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2003.00349.x>.
8. Фахрисламова Р.Т. Основные теоретические подходы к объяснению феномена бездетности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3 (127). С. 66–75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.3.11>.

References:

- Becker, GS 1960, 'An Economic Analysis of Fertility', *Demographic and Economic Change in Developed Countries*, National Bureau of Economic Research, Princeton, pp. 209-240.
- Dadaeva, TM 2017, 'Child-free Families in a Region: Myth or Reality?', *Regionologiya*, no. 3, pp. 30-35, (in Russian).
- Fakhriislamova, RT 2015, 'Main Theoretical Approaches to the Explanation of the Phenomenon of Childlessness', *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 3 (127), pp. 66-75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.3.11>.
- Hakim, C 2003, 'A New Approach to Explaining Fertility Patterns: Preference Theory', *Population and Development Review*, vol. 29, no. 3, September, pp. 349-374. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2003.00349.x>.
- Inglehart, R & Welzel, C 2011, *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Moscow, 464 p., (in Russian).
- Lesthaeghe, RJ 2010, 'The Unfolding Story of the Second Demographic Transition', *Population and Development Review*, vol. 36, no. 2, pp. 211-251. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x>.
- McDonald, P 2000, 'Gender Equity in Theories of Fertility Transition', *Population and Development Review*, vol. 26, no. 3, pp. 427-439. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2000.00427.x>.